

**РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ СУБЪЕКТИВАЦИИ
В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА
(на примере рассказа «Человек свиты»)**

Целью нашего исследования является анализ приемов субъективации, взаимодействующих с объективированным повествованием и определение их роли в пределах художественного целого».

Обратимся к самому термину «субъективация». Проблемой субъективации занимались в свое время В.В. Виноградов, В.В. Одинцов, А.И. Горшков и др. Разработке данной проблемы в конкретных текстах посвящена диссертация Э.Н. Полякова «Субъективация авторского повествования в прозе Валентина Распутина».

В теоретических трудах субъективация определяется как «смещение с помощью определенных языковых средств точки видения из авторской сферы в сферу персонажей, субъекта» [Поляков 2005: 3]. Таким образом, проблема субъективации в художественном тексте затрагивает такие категории, как образ автора, языковая композиция произведения и т. д.

Очевидно, что движение русской повествовательной прозы от объективированного авторского к субъективированному изложению началось не сегодня. Мы же попытаемся вскрыть своеобразие взаимодействий объективно-авторского и субъективного повествования в современной прозе – в текстах В. Маканина. Полифония голосов (как присутствие и взаимодействие точек зрения персонажей) является характерным признаком маканинской прозы. Если следовать системе приемов субъективации, предложенной В.В. Одинцовым и доработанной А.И. Горшковым, то без труда можно выделить в текстах В. Маканина речевые приемы субъективации: прямую речь, несобственно-прямую речь и внутреннюю речь.

В рассказе «Человек свиты» представлены точки зрения автора и ряда персонажей: Родионцева, Вики Журавлевой, Санина. Прямая речь является приемом самораскрытия персонажей произведения, средством создания «словесного портрета» как совокупности реплик, фраз, монологов данного персонажа, находящейся в противопоставлении к авторскому его описанию.

Наличие в тексте взаимодействия авторской точки видения и точек видения персонажей очевидно в сцене разговора пьяного Санина (заменившего Родионцева в «свите») и Вики (которую тоже скоро «заменят»):

«Придавая пьяной болтовне размах, он уже говорил не «я», а «мы» – вроде как у них давно уже возникла целая группа рвущихся к пирогу юнцов.

«Бедная я, – сказала тогда Вика. – Я ведь буду для вас помехой, занимая возле Аглаи Андреевны место...»

А этот щенок, пьяненький, еще и похлопал ее по плечу:

«Да ты не бойся, мы тебе не сразу отставку дадим. Поживи, пособирай крошки со стола, так уж и быть... – хорохорился он. – Я другой. На мне ваша Аглая промахнулась...»

Повествование в этом отрывке полностью субъективировано, реализуясь в тесном взаимодействии точки видения Санина и точки видения Вики. К примеру, в первом предложении мы уже четко видим столкновение двух позиций. Восприятие слов Санина как «пьяной болтовни» принадлежит Вике, это с ее стороны читатель оценивает ее собеседника, что подчеркивает и слово «юнец», которое явно принадлежит Вике, не видящей в Санине большую угрозу. Но выражение «целая группа рвущихся к пирогу юнцов» смещает нас к позиции Санина. Слово «пирог» очень точно отражает отношение этого героя к жизни, его стремление «урвать свой кусок» за счет другого.

Вика, не считая Санина серьезным конкурентом, однако, говорит ему не «ты», а «вы» («Я ведь буду для вас помехой»), словно уже сдает позиции. Слова «щенок», «пьяненький» подчеркивают ироничное отношение героини к новоиспеченному протеже Аглаи Андреевны. Выражение «еще и похлопал ее по плечу» полностью субъективировано: Вика, не осознавая опасности, расценивает поведение Санина как неуместное и самонадеянное.

Прямая речь Санина, в свою очередь, рисует нам как его образ, так и его отношение к Вике, а шире – ко всему старшему поколению. «Да ты не бойся» – лишенное всякого уважения к женщине, старше его по возрасту и занимающей более высокую должность – прямо говорит: Вика – не соперник Санину, ее власть уже в прошлом. Санин это видит и не стремится скрыть свое пренебрежение к собеседнице.

Столь же презрительно его отношение к «королеве» Аглае Андреевне. Заметим, что Родионцев и Вика именуют всесильную секретаршу не иначе как «Аглая Андреевна». Употребление Саниным имени «Аглая» без отчества демонстрирует, с одной стороны, все то же презрение, с другой, – рисует перспективы самого Санина: как и Вика, Аглая Андреевна не помеха на его пути к «пирогу». Слово «ваша» причисляет Аглаю к тем, кого Санин уже на словах «выбросил из будущего» – к Родионцеву, к Вике, то есть к отжившему, на взгляд Санина, поколению. Образ Санина через эти языковые средства раскрывается с новой стороны. Это не просто «человек свиты», как Родионцев или Вика. Это тот, кто хочет стать хозяином жизни. Таким образом, столк-

новение точек видения двух героев перерастает в столкновение разных поколений, разных человеческих типов.

Применение в тексте несобственно-прямой речи также приводит к субъективированности повествования. Для примера приведем отрывок, в котором дается описание жены Родионцева:

«Жена часто болела, а дочь плохо училась, что для семьи в среднем приводило к жизни не легкой; и, в сущности, к удару или к ударам жена была готова: из расхаживающей по комнате женщины, говорливой и даже улыбающейся, она без перехода сразу превратилась в женщину сдержанную и ко всему внимательную. Она у него молодец. Он, Родионцев, нет-нет и хорохорился, а вот жена являла собой их семью общее и зримее: жизнь, а правильнее – молодость, давно, мол, прошла, жизнь смерила, и теперь нам достаточно иметь совсем не многое, а все остальное в мире пусть проходит мимо, мы обойдемся».

Несмотря на то, что описание семьи Родионцева кажется на первый взгляд объективно-авторским, в текст то и дело «вкрапляются» элементы субъективности. Так, именно с точки зрения Родионцева жизнь семьи оценивается как нелегкая, именно Родионцев считает причиной этого частые болезни жены и плохую учебу дочери. Замечание *«в сущности»* подчеркивает принадлежность оценки самому Родионцеву, то есть это он считает жену «готовой к ударам». Показательно в этом смысле и выражение *«женщины, говорливой и даже улыбающейся»*, подчеркивающее непритязательные требования Родионцева к семье и его односторонне-потребительское отношение к ним (ведь он все отдает «свите»). Вместе с тем, именно в силу своей субъективности, оценка Родионцева поднимает его семью на уровень обобщений – с помощью несобственно-прямой речи автор через языковое сознание персонажа характеризует современный семейный быт. Субъективированность отрывку придает несобственно-прямая речь *«она у него молодец»* (несомненна точка видения Родионцева). Фраза *«жизнь, а правильнее – молодость, давно, мол, прошла, жизнь смерила, и теперь нам достаточно иметь совсем немного, а все остальное в мире пусть проходит мимо, мы обойдемся»* также раскрывает точки видения персонажей, причем теперь уже не только позицию Родионцева, но и позицию его жены. Обратим внимание на нетрадиционное употребление личных форм: хотя повествование идет от третьего лица, появляются формы первого лица (*«мы»*, *«нам»*), смещающие угол зрения читателя с объективно-авторского повествования на объективную оценку персонажей, их понимание жизни. Вновь автор сквозь призму сознания героев подчеркивает, что его персонажи живут прошлым (*«жизнь, а правильнее – молодость, давно, мол, прошла»*).

Приведем еще один фрагмент текста:

«Муж у Вики веселый и добродушный. И сынишка у Вики тоже веселый и добродушный. И когда-то Вике казалось, что такая семья – предел счастья, тем более что замуж Вика вышла с запозданием и почти без любви, и, как говорится, наконец-то. Однако прошло несколько лет, и выяснилось, что, помимо замужества, и семьи, и сынишки, есть еще жизнь, которую надо жить. Если даже и попал на солнечное местечко, нужно перемещаться, шевелиться и прилагать усилия, чтобы не оказаться в тени, когда солнце сместится. (Солнце, хотя и помалу, смещается, и в тени оказаться – просто и быстро). Да, Вика суетная и, может быть, мелкая женщина, ну и ладно, какая есть. Во всяком случае, возле Аглаи Андреевны она чувствует себя активной, даже и нужной: тонус жизни – это совсем немало, и, лиши Вика этого, она захандрит, заболит, нет, она именно заболит, и, кстати, многие люди в городе болеют, лиши их активности, пусть мелкой и суетной».

Повествование вновь ведется от третьего лица, но в нем нетрудно выделить точку видения Вики. К примеру, фраза *«замуж Вика вышла с запозданием и почти без любви, и, как говорится, наконец-то»*. На наличие оценочности указывают здесь выражения *«почти без любви»*. Вводная конструкция *«как говорится»* ориентирует читателя на некое общественное мнение, на которое ссылается в своих суждениях Вика. Пример несобственно-прямой речи *«Если даже и попал на солнечное местечко, нужно перемещаться, шевелиться и прилагать усилия, чтобы не оказаться в тени, когда солнце сместится»* отражает жизненное кредо Вики, женщины практичной и целеустремленной. Ее неудовлетворенность семейной жизнью автор фиксирует фразой *«помимо замужества... надо жить»*. Слова *«да»*, *«может быть»* придают фразе оттенок вызова, который, в свою очередь, преобразуется в самооправдание (*«ну и ладно, какая есть»*).

Широко представлена в рассказе и внутренняя речь, относящая читателя к точке видения персонажей. Так, сквозь призму сознания Вики описывает автор их отношения с Родионцевым:

«Не было у них небольшого романа, не было и дружбы, но были отношения, приправленные некой особой нежностью. Вика и раньше успела оценить, что Родионцев из тех, кто за спиной твоей дурного не скажет, но в той поездке (осенью, в Белгороде) как-то особенно выпятилась его порядочность, а также его веселость без желания что-то напрямую себе урвать или хапнуть. Вика нечасто встречала в жизни таких мужчин, и как-то уж очень она тогда, в Белгороде, расчувствовалась, хотела и на близость пойти (опытная, она могла бы проделать все так незаметно, так подлинно, что близость их случилась бы сама собой: как в романах), но вдруг, сильно повзрослев за двухсекундный промежуток времени, подумала: зачем портить редкое? Тогда-то, прошедшую огонь и воду и трубы, ее и укололо некой

нежностью, после чего они остались только в приятельстве, и Вика это ценила (да, на выезде шел дождь, а они коротали вечер в белгородской гостинице, в ее, кажется, номере – на Вике была яркая голубая кофточка, а транзистор передавал старинные марши и вальсы для духового оркестра), и уж много лет они были просто в приятельстве, и Вике это было куда дороже после бурной ее молодости и после пяти, кажется, неудачных попыток выйти замуж, кода телесная близость так потеряла в цене».

В данном отрывке, полностью лишенном прямой или диалогической речи, тем не менее обнаруживаются переживания героини. «Вкрапления» внутренней речи героини в авторское повествование имеют следствием раскрытие ее эмоциональной сферы. Фразы *«из тех, кто за спиной твоей дурного не скажет», «без желания что-то впрямую себе урвать или хапнуть»* характеризуют личность Родионцева именно с позиции Вики. Воспоминания о совместных поездках – *«в той поездке (осенью, в Белгороде)», «тогда, в Белгороде»* – также даны от лица Вики, как и ее оценка собственного поведения в тот момент (*«как-то уж очень она тогда... расчувствовалась»*). Самохарактеристика Вики оформлена в виде вставки *«опытная, она могла бы проделывать все так незаметно, так подлинно, что близость их случилась как бы сама собой: как в романах»*.

Сближению авторской позиции с позицией героини способствует и описание ее чувств – *«тогда-то, прошедшую огонь и воду и трубы, ее и укололо некой нежностью»*. Смещение повествования с внешнего ракурса к внутреннему отражает безличная форма глагола *«укололо»*, привносящая в предложение оттенок личностного переживания героини. Воспоминания о пребывании в Белгороде автор поместил во вставную конструкцию – *«да, на выезде шел дождь, а они коротали вечер в белгородской гостинице, в ее, кажется, номере – на Вике была яркая голубая кофточка...»*, что отражает их второстепенный характер по отношению к чувствам и мыслям героини. Конструкция *«и Вике это было куда дороже»* также помещает читателя в план личных переживаний персонажа.

Таким образом, избегая использования прямых реплик персонажей, писатель погружает нас в их внутренний мир.

Следует отметить, что для маканинской прозы характерно наличие множества вставных конструкций, зачастую выполняющих в тексте функцию смещения повествования в субъективированную зону.

Рассмотрим небольшой отрывок из рассказа, описывающий состояние Родионцева после его «отставки»:

«Отряхивая зонт и в раскрытом виде оставляя его сохнуть у порога, Родионцев вдруг чувствует усталость (а ведь он из тех, кто спортивен и носит спортивные костюмы: моложавый мужчина, поджарый и

быстрый для своих сорока лет), – вялый, он идет на кухню, где и садится за стол, вроде бы сразу собираясь поесть, хотя есть он не хочет. Все его сорок лет сейчас с ним».

Разумеется, нельзя однозначно членить текст данного отрывка на объективно-авторское повествование, представленное обрамляющими вставку конструкциями, и субъективное, содержащееся во вставном предложении. Переход от авторской точки зрения в сферу сознания Родионцева подготавливает слово «вдруг» («Родионцев вдруг чувствует усталость»), нацеливающее нас на самооценку героя, который осознает свое состояние как нечто внезапное, неожиданное, непривычное. Конструкция вставки предельно субъективирована. Это усиливает фраза «носит спортивные костюмы», вскрывающая стереотипность мышления Родионцева. Соотношение внутри вставки внутренней и несобственно-прямой речи («моложавый мужчина, поджарый и быстрый для своих сорока лет») усиливает в читателе уверенность, что в данном случае происходит самораскрытие персонажа через поток его сознания, врывающийся в повествование. Фразы «хотя есть он не хочет», «Все его сорок лет сейчас с ним» дополняют образ, противоположный самооценке героя.

В итоге можно утверждать, что названные выше приемы речевой субъективации (прямая речь, несобственно-прямая речь и внутренняя речь) широко представлены в прозе В. Маканина, образуя во взаимодействии друг с другом сложную речевую полифонию в пространстве произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

Горшков А.И. Композиция художественного текста как объект лингвистического исследования // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения 9 – 10. М., 1981. С. 88 –97.

Маканин В.С. Кавказский пленный. М., 1997.

Одинцов В.В. Стилистика текста. М. 1980.

Поляков Э.Н. Субъективация авторского повествования в прозе Валентина Распутина: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005.